

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

<Об иезуитах>

Простившись с друзьями, не могу воздержаться от сердечной потребности помянуть также добрым словом и теплое гнездо, которое некогда нас собрало и приютило. И здесь, вероятно, тешу я себя одного, да и то с каким-то самоотвержением. Здесь вступаю на жгучую почву, но я давно опален и обстрелян. Огня не боюсь. Знаю, что в настоящее время иезуиты не в чести не только на Западе, но и у нас, вероятно, более из подражания. Мы довольно склонны развертывать *зонтики* свои (на нашем богатом языке нет, между прочим, слова *parapluie*, *Regenschirm*¹), когда идет дождь, например, в Париже. Пословица говорит: лежачего не бьют. Кажется, тем паче не следовало бы бить отсутствующего или даже не бывалого, а мы все-таки бьем по пустому месту. Не пускаюсь в отыскание и в исследование иезуитских действий и влияний на римском церковном Западе. Это не мое дело. Но спрошу: где у нас эти пугала, эти опасные и грозные иезуиты, которые, как тени и призраки, пробегают еще по страницам печати нашей? Где, за редкими, совершенно личными исключениями, искать их в последнем столетии истории нашей? Где вредные для государственного объединения нашего обращения или свращения с пути православия единоверцев наших? Когда и были они, то много ли их? Скажем: за глаза несколько десятков, считая в них и женщин. Стоит ли из этого горячиться и бить в набат, как при пожаре или нашествии неприятеля? Стоит ли говорить и писать об этом? Это капля в море, или капля, выцеженная из моря. А сколько пролито было чернил ради этой капли. В числе их были и умные и бойкие, но на какой конец? Мудрено объяснить. Не вступаюсь за отщепенцев, не берусь оправдывать их. Готов я согласиться, что некоторые отреклись от Церкви по легкомыслию, по неведению сущности Церкви нашей; другие, если можно употребить подобное

выражение в таком случае, обратились по моде. Знаю женщин, которые оримлянились, когда было поветрие на обращение, и возвратились в лоно Православной Церкви, когда поветрие и мода миновались!

Но в их числе есть и люди, которые поступили по совести, особенно из тех, которые после посвятили себя духовной и монашеской жизни. Есть и такие в среде отпадших братьев наших. Религиозная совесть имеет свои тайны, которые легко и необдуманно оценивать и в особенности порочить нельзя. Во всяком случае не дело христиански-евангельское закидывать камнями и отпадших и блуждающих братьев. Молитесь за них, если вам их жаль, но не поносите их. Остроумия и перунов ваших не расточайте на них.

Вообще нельзя не заметить, что у нас бывают охотники создавать пред собою и пред обществом чудовищные страшилища, чтобы доставить себе удовольствие ратовать против них и протыкать их своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бывает иногда очень забавна, но бывает часто и вредна. В таком настроении духа противоречия неизбежны. Высокомерие и малодушие, трусливость и задорливость сталкиваются на каждом шагу. То ставят Россию так высоко, что она вне всех возможных покушений на нее, то уже так низко, что она, тщедушная, разлетится в прах, при малейшем враждебном дуновении. Мы уже не говорим, что врага шапками закидаем, но еще думаем, что можем Европу закидать словами. В политике и в литературе анахронизмы приводят к ошибочным заключениям. Пожалуй, найдутся у нас публицисты, которые начнут пугать нас набегам печенегов. Но мне иезуиты у нас те же печенеги.

Но, после долгого отступления, пора возвратиться мне к своим собственным иезуитам. Эти иезуиты, начиная от ректора, патера Чижя, были — по крайней мере, в мое или наше время — просвещенные, внимательные и добросовестные наставники. Уровень преподавания их был возвышен. Желавшие учиться хорошо и основательно имели все способы к тому и хорошо обучились; примером служит, между прочим, Северин. Обращение наставников с воспитанниками было не излишне строгое: более родительское, семейное. Допускалась некоторая свобода мнений и речи. Однажды кто-то сказал во время класса, что из всех иезуитов любит он наиболее Грессета. Известно, что этот французский поэт принадлежал иезуитскому ордену и вышел из него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобные выходки. «Вяземский, отпусти *bon mot!*»², — говаривали мне. Моих тогдашних *bon mots* я, по совести, не помню. Но упоминаю о том мимоходом: видно, и тогда уже промышлял я этою *устною литературою*, которую

так любезно приписывал мне граф Орлов-Давыдов в приветствии своем на пятидесятилетнем моем юбилее. В числе воспитанников был я далеко не из лучших; но, не знаю почему, был одним из числа любимейших духовным начальством. Со всем тем могу сказать утвердительно и добросовестно, что никогда не слыхал я ни слова, никогда не замечал малейшего намека, которые могли бы указать, что меня или других желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская Церковь выше и душе-спасительней Православной. А ум мой и тогда был уже настолько догадлив, что он понял бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различия не было в обращении с воспитанниками обоих исповеданий. Паписты не пользовались пред нами никакими *пре-рогативами* и льготами. В костел нас не водили. По воскресным и праздничным дням бывали мы в русской церкви. Великим постом мы говели, как следует. Правда, в течение года держались мы не русских постных дней, то есть не среды и пятницы, а римских. По пятницам и субботам угощали нас католическим пощением: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла иметь большого влияния на умы и религиозные чувства наши. Так было в мое время. Не отвечаю за то, что могло быть после. Говорили позднее, что иезуиты завербовали в свою веру молодого воспитанника князя Голицына и к тому же племянника князя Александра Николаевича, обер-прокурора Святейшего Синода. Если оно так, то нельзя не сознаться, что пресловутая иезуитская хитрость и пронырливость на этот раз ужасно опростоволосилась. Выбор их был очень неудачен. Как бы то ни было, это совращение, действительное или мнимое, послужило отчасти падению и изгнанию иезуитского ордена из России. Не тем будь он помянут, приятель наш, Александр Тургенев, был одним из деятельных орудий сего почти государственного переворота, *de se coup d'etat a la Pombal*³. Изгнание их, или похищение в ночное время, сопровождалось довольно крутыми и вовсе ненужными полицейскими мерами. Кроткое правление императора Александра I отступило в этом случае от *легальности*, а чем необходимее бывают меры строгости, тем более при исполнении оных требуется бдительное и точное соблюдение *легальности*, то есть законности. Поспешность насилия, заносчивая страстность не совместимы с законом. Несмотря на дружбу свою к Тургеневу, Карамзин не одобрял вообще ни этой меры, ни приемов, с которыми она совершалась. Консервативный Карамзин был в этом случае либеральнее приятеля своего, либерала Тургенева. По выходе из пансиона был я в переписке с патером Чижом.

Этим заключается период отрочества моего. Здесь расстаюсь и с иезуитами. Гораздо позднее встречался я на Востоке с некоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я их деятельности и самоотвержению. Разбросанные поодиночке в местах пустынных, в арабских бедных селениях, преподаватели Евангелия и грамотности бодро и плодотворно носили они свой крест и совершали трудный подвиг. Римская Церковь может быть властолюбива; но этих отдельных миссионеров и апостолов христианства обвинять в властолюбии нельзя. Они самоотверженные и бескорыстные послушники. Забавно же обвинять их в том, что преподают они римское законоучение, а не православное. Между тем найдутся люди, которые ставят им и это в преступление и за это ненавидят их. Не забывают ли они в пылу Православия своего, что Евангелие писано для всех народов, для всех христиан, а не в пользу того или другого вероисповедания и прихода.

